

Глава VI. НЕМЕЦКО-АВСТРИЙСКИЕ ВОЙСКА В ДЕРЕВНЕ МАРФОПОЛЬ ПОСЛЕ УНИЧТОЖЕНИЯ НАМИ ИХ ОТРЯДА. МЫ В ГУЛЯЙПОЛЕ

Как только мы оставили деревню Марфополь, туда прибыли войска. По вступлении в деревню они сразу же расстреляли старшего из хозяев той квартиры, где я с Марченко и Лютым сутки помещались. Затем согнали сельский сход. Перепороли шомполами тех из крестьян, чья физиономия не нравилась озверевшим офицерам. Кое-кого из крестьян арестовали и отправили в Гуляйполе в штаб, где их пытали и истязали при допросах. И потом уже наложили на всю деревушку непосильную, в шестьдесят тысяч рублей наличными, контрибуцию, которую крестьяне в течение суток должны были собрать между собою и внести в их штаб в Гуляйполе.

Многие крестьянские семьи не в силах были внести требуемое с них палачами. Начались избиения прикладами, порка шомполами, этих крестьян. Стоны избиваемых в этой деревне быстро долетали до нас: вести о событиях распространялись всюду по другим деревням и селам Гуляйпольского района. Но в этих столах не чувствовалось отчаяния, и этого-то обстоятельства глупые палачи не понимали и не учитывали.

Само собою понятно, что наглого насилия по отношению к крестьянам деревни Марфополь со стороны немецко-австрийских и гетманских сатрапов ни мы, ни крестьяне простить этим непрошеным хозяевам и властелинам не могли.

На другой же день мы, посоветовавшись между собою, разделились: товарищи с берегов Днепра и из некоторых других районов выехали сейчас же в свои местности с целью ни минуты больше не ждать, а повсеместно выступать и решительно действовать, увлекая на этот путь все лучшее и преданнейшее делу революции в крестьянстве. Мы же и обитатели

других сел и деревень перебросились в само Гуляйполе, из которого в это время главные немецко-австрийские силы выехали в район охотиться за революционными крестьянами, оставив в нем лишь одну роту своих солдат и усердно ей прислуживавших человек 80 гетманской варты.

В Гуляйполе мы совсем раздробили свои силы и разослали их по району, оставив для Гуляйполя всего-навсего семь человек во главе со мною. Наша гуляйпольская организация, которая все время оставалась в нем, в следующую же после нашего прибытия ночь постановила созвать в ближайшую ночь все свои вооруженные силы неподалеку от Гуляйполя, в открытом поле, чтобы я мог видеть этих бойцов и поговорить с ними.

Выезд крестьян в одном направлении из Гуляйполя был подозрителен и для них очень рискован. Тем не менее съехалось более четырехсот человек. В каждом из нас, совершенно нелегальных, рождались новые силы. Мы были переполнены желанием борьбы за волю и независимость трудящихся, за революцию и ее идеалы, за построение на их началах свободного общества тружеников.

Я лично, да и я ли только, глядя на боевые крестьянские колонны в открытом поле, на стройные их ряды, расчувствовался. Хотелось тут же лишний раз спросить своих близких, иногда подтрунивавших над моими часто резкими выпадами по адресу родственников нам по идее городских групп, обращавших мало внимания на деревню, на ее живые и плодотворные силы, — хотелось снова спросить их о том, кто же виноват, что эти силы до сих пор не организованы в стране вообще. Однако я тут же сознавал, что на эту праздную болтовню нет времени.

Мы все сели, а кое-кто даже лег на землю и занялись разрешением вопроса: когда и в каком направлении начнем мы свою революционную атаку из Гуляйполя, а затем и по всему району, атаку против немецко-австрийских армий и гетманских банд.

Все высказались: в следующую ночь!..

Тогда были сделаны указания: пещанам и гурьянам с вечера занять все пути входа и выхода из Гуляйполя со стороны сел Федоровки, Воскресенки и Полог, где стояли внушительные по количеству силы немецко-австрийских войск. А бочанцы, ярмарковцы, подолянцы и вербовцы (все это районы Гуляйполя) пойдут в центр Гуляйполя и, захватив его в свои руки, разгонят гетманскую варту и немецко-австрийскую роту, по возможности захватывая пленных, чтобы уничтожить весь их штаб.

Затем все мы спокойно и тихо разбрелись по своим квартирам.

Эту ночь ни я, ни мои близкие друзья не спали. Я писал две прокламации с надеждой, при занятии центра Гуляйполя, сейчас же их отпечатать и распространить по всем районам, которые наша организация взялась организовать и поднять на борьбу. Товарищи обдумывали детали плана намеченного действия.

На следующий день в Гуляйполе возвратилась еще одна рота немецко-австрийских экспедиционных войск. Мы было немного обеспокоились, но не отменили задуманного на

вечер действия. Вечером все бойцы во всех районах Гуляйполя были готовы к бою, и мы повели наступление. Легко и безболезненно (для себя, конечно) разогнали и немецко-австрийских солдат, и гетманских вартowych. К сожалению, лишь штаба их не схватили: последние раньше всех своих подчиненных сбежали.

Сейчас же по занятии Гуляйполя мы установили своих контрольных на почте, телефонной станции и на станции железной дороги. Я с товарищем Каретником и с хозяевами типографии провел ночь и полдня в наблюдении за работой в типографии, и наши листовки были отпечатаны. Одна — в виде призыва к крестьянам поддерживать своими представителями революционно-повстанческий штаб и смело, не теряя времени, организовывать в своей среде из добровольцев боевые отряды и объединять их вокруг штаба с целью выгнать из Украины не прошенных трудовым народом опричников. Другая листовка разъясняла задачи крестьян после изгнания всех этих владык.

Гуляйпольские крестьяне зашевелились. Устроили митинг, на который собрались отцы и матери со своими детьми. Все высказались сами о моменте и запрашивали моего мнения, мнения гуляйпольской группы анархистов-крестьян о том, за что же взяться прежде всего? Что прежде всего нужно освобождать, чему надо прежде всего расчищать путь? Чувствовался голос подлинной революции в устах этих не один раз избитых прикладами, выпоротых шомполами, раздетых, ограбленных и физически временно побежденных тружеников украинской деревни.

Само собою понятно, что, действуя в самом Гуляйполе, мы не оставили без внимания и его район. Здесь крестьяне тоже воспрянули духом и взялись за дело своего освобождения. И хотя крестьянам на районе как имевшим в своем распоряжении мало оружия местами тут же и попадало — на них тут же насакивали гетманская варта и карательные немецко-австрийские отряды и разбивали их, — но дух революции уже носился всюду. И казалось, еще день, еще два и гуляйпольцы дружно и мужественно пойдут целым фронтом против своих врагов, пойдут на поддержку другим селам и другим районам. К этому мы стремились и в этом направлении проделали известную работу.

Но нужно отметить, что и австрийско-немецкое командование не дремало. Оно, располагая крупными денежными суммами, успело подкупить помимо своих шпионов и многих из рабочих, крестьян-кулаков, купцов и лавочников, и через этих людишек держало себя, почти всегда вовремя, в курсе наших дел. Не решаясь напасть на Гуляйполе с одной какой-либо стороны, оно спешно стягивало свои войска и группировало их вокруг Гуляйполя с расчетом окружить его так, чтобы не выпустить уже больше из него неуловимого, как они меня прозвали, Махно с его помощниками.

Это обстоятельство заставляло нас все ночи напролет разъезжать вокруг Гуляйполя, ставить секреты и заградительные заслоны, ожидая наступления врага.

Вдруг в одно утро немецкий районный штаб из Полог, австрийский из Покровского и из Рождественки вызывают по телефону Гуляйполе, революционный комитет, просят «господина» Махно к трубке.

Сажусь на лошадь и скачу на телефонную станцию. Говорим. Из Полог предлагают революционному комитету или штабу повстанчества разрешить ввести в Гуляйполе немецко-австрийские войска численностью с батальон. Я отвечаю, что народ этого не пожелает. А если вздумаете вступать в Гуляйполе сами, произвольно, то встретим с оружием в руках.

Покровский австрийский штаб запрашивает:

- Правда ли, что штаб повстанчества перерезал всех богачей в Гуляйполе?

Отвечаю:

- Вздор. Все богачи сбежали вместе с вами.

Австрийский штаб из Рождественки грозит двинуть свои войска на Гуляйполе и уничтожить его вместе с жителями, если штаб повстанчества не освободит попавших в плен хозяйственников его войск. Отвечаю:

- Двигайтесь. Посмотрим, как вы будете подмазывать свои пятки и удирать... Тем более что мы только что вооружили несколько тысяч крестьян, съехавшихся сюда в распоряжение нашего повстанческого штаба. Они вас ждут.

Отовсюду телефонные звонки, отовсюду грубая ругань переводчиков немецко-австрийского командования.

Пока все эти «герои» из штабов вели переговоры с революционно-повстанческим штабом (он же и революционный комитет), штаб отпечатал еще две прокламации и часть их сейчас же распределил среди крестьянских гонцов (которые должны были развезти их во все села и деревушки, а также, по возможности, и к рабочим в города Александровск, Павлоград, Юзовские Шахты (теперешний Донбасс), Мариуполь), часть же погрузил на свои подводы, считая, что не сегодня завтра немецко-австрийское командование двинет свои силы со всех концов на Гуляйполе, и нам придется временно опять оставить село и продолжать рейд своим хорошо вооруженным, но количественно небольшим легким отрядом по районам с целью провести агитацию и распространить самому эту часть прокламаций.

Помню, мои друзья увлекались успехом и хотели верить, что мы удержимся на сей раз в Гуляйполе на весьма продолжительное время, тем более что из районов начали поступать на сей раз сведения более утешительные. Некоторые наши повстанческие группы одержали победу над гетманскими и немецко-австрийскими карательными отрядами и намереваются прибыть в Гуляйполе. Но я был осторожен и убеждал друзей, что увлечение их может привести к непоправимым ошибкам. Следуя увлечению, мы должны будем призвать всех крестьян и рабочих Гуляйполя к тому, чтобы дать решительный бой врагу, какие бы силы ни наступали на Гуляйполе. Однако боя этого мы до конца не выдержим. А поражение наше создаст катастрофические последствия для дальнейшего развития наших повстанческих групп, все взоры и помыслы которых обращены к Гуляйполю в ожидании его инициативных идейно-руководящих положений. И я говорил:

-В случае решительного наступления врагов на Гуляйполе мы и на этот раз сейчас же оставим его. Притом мы должны оставить его так, как будто население только слушало нас, но не оказывало нам активной поддержки.

Необходимо отметить, что за все время нашего пребывания в Гуляйполе вооруженное население только по ночам выезжало на заставы вокруг села, на станцию и на другие пункты, в которых могли появиться войска врага. Днем же мы ограничивались силами отряда и некоторыми смельчаками из крестьян.

- Так и должно продолжаться, — настаивал я перед своими помощниками. — Мы в момент натиска на Гуляйполе вражеских сил оставим его, сообщив лишь вовремя населению, чтобы оно тщательнейшим образом попрятали оружие и сохраняло мужество и хладнокровие как ни в чем не бывало: как будто мы своим отрядом произвольно все здесь проделывали.

Мои друзья были очень недовольны таким моим маневром, но решительно против него ни один из них не протестовал. Наоборот, теперь они делали все то, что в совещании со мною обсуждали и решали.

На этом решении наш штаб остановился определенно. Согласно этому, товарищ А. Марченко оповестил о нашем решении через своих военных «атташе» все сотни населения Гуляйполя. И лишь теперь наш штаб несколько освободился от кипучей местной работы.

В один прекрасный день я снова был вызван немецко-австрийским штабом из Полог к телефону. Начальник этого штаба повел со мною разговор: почему я в своих воззваниях к украинскому трудовому народу называю немецко-австрийские регулярные войска бандами, а их командиров убийцами и т. п. Я «разъяснил», и разговор наш затянулся.

Я инстинктивно почувствовал, что начальник затягивает разговор со мною с определенной целью, и поспешил предупредить тт. Марченко и Каретника быть особенно бдительными и усилить внимание наблюдателей с колокольни и на заставах.

- Сегодня, видимо, враги решили действовать, — говорил я им, — и мы должны своевременно знать, откуда, какими и какого рода оружия силами они начнут это свое действие.

Сам я продолжал оставаться у трубки телефона. За это время наш штаб вызывался из Покровского и Рождественки, но с ними мне не пришлось говорить. Действительно, случилось именно так, как предполагал. Начальник железнодорожной станции сообщил нашим наблюдателям, что из Полог вышли два воинских эшелона на Гуляйполе. Пока курьер донес мне это сведение (по телефону сообщить его нельзя было), тот же начальник станции сообщил мне:

- Нестор Иванович, карательные войска в количестве двух эшелонов, не дойдя до станции, остановились посреди пути, выгружаются и направляются на село.

Я в ту же минуту бросил трубку и изолировал нужные телефонные районные линии. Спешно с двумя пулеметами, 15-17 пехотинцами и несколькими кавалеристами я выехал за Гуляйполе навстречу этим всемогущим и «непобедимым» немецко-австрийским боевым частям. Части эти подходили и были уже на полдороге к селу своими неразвернутыми колоннами. Мы подпустили их еще ближе и обстреляли метким пулеметным огнем. Тем самым мы заставили их сперва лечь, а затем развернуться фронтом и открыть бешеный огонь со своей стороны.

Мы, задорно смеясь и над своими силами, и над силами и маневрами противника, продолжали изредка, но метко стрелять. А когда заметили с фланга группу его кавалерии, то тотчас же снялись и, перескочив Гуляйполе поперек, закрепились на другой стороне его и продолжали отвечать наступавшим на их бешеную пальбу, сосредоточенную исключительно на колокольне и центре Гуляйполя.

За это время к нам подошло несколько десятков вооруженных крестьян с намерением целиком разделить участь нашего отряда в пути по району. Остальные около 1000 человек вооруженных, из которых 300-400 человек все время, до сегодняшнего дня, несли службу на заставах по охране Гуляйполя, теперь сидели по своим квартирам, ожидая «неожиданностей», какие в это время вообще создавались.

На этой, Бочанской стороне Гуляйполя мы, стянув все свои подводы, оставались, пока не подошли вражеские отряды и с других сторон. (Делали мы это с целью укоротить для врага дневное время.) Но подход неприятельских частей с других сторон заставил нас сняться и, сказав населению Гуляйполя «До свидания! Через неделю-две мы возвратимся!», покинуть Гуляйполе.

Мы направились в районы Юзово, Мариуполь, чтобы таким образом расширить район своей деятельности и в то же время сбить с нашего следа врагов, жаждавших настичь и раздавить нас. По пути мы отобрали у помещиков, кулаков и охранявших эту свору немецко-австрийских солдат несколько тачанок, один пулемет, несколько кавалерийских лошадей с седлами и кой-какое оружие. Кое-кого из помещиков мы уничтожили, заодно с их усадьбами, так как они отстреливались при нашем появлении.

Остановились мы лишь во второй половине ночи в селе Больше-Михайловка (или Дибривки) с его знаменитым Дибривским лесом.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 марта 2025 01:51:37

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 30 марта 2025 01:51:55